

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

Рецензия

УДК 94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.24>

МНОГОЛИКИЙ ДОКТОР ДЖОНСОН

(Рецензия на монографию Т. А. Косых «Сэмюэл Джонсон и его эпоха: Британия и мир глазами английского интеллектуала XVIII в. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. 292 с.)

Владимир Станиславович Еремин

Институт всеобщей истории Российской академии наук (32а, Ленинский пр., Москва, 119334, Российская Федерация)
Кандидат исторических наук, научный сотрудник
ereminvt@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-9232-7355>

Для цитирования: Еремин В. С. Многоликий доктор Джонсон (Рецензия на монографию Т. А. Косых «Сэмюэл Джонсон и его эпоха: Британия и мир глазами английского интеллектуала XVIII в. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. 292 с.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 731-736. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.24>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Рецензия поступила в редакцию: 13.07.2023.

Рецензия одобрена после рецензирования: 16.08.2023.

Рецензия принята к публикации: 30.09.2023.

Review

THE MANY FACES OF DOCTOR JOHNSON

(Review of the monograph by Samuel Johnson and his Era: Britain and the World through the eyes of an 18th-century English intellectual. Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2022. 292 p.)

Vladimir S. Eremin

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (32a, Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Researcher
ereminvt@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-9232-7355>

For citation: Eremin V. S. The Many Faces of Doctor Johnson (Review of the monograph by Samuel Johnson and his Era: Britain and the World through the eyes of an 18th-century English intellectual. Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2022. 292 p.). *Humanities and law research*. 2023;10(4):731-736. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.24>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The review was submitted: 13.07.2023.

The review was approved after reviewing: 16.08.2023.

The review was accepted for publication: 30.09.2023.

Изучение жизненного пути и творческого наследия отдельных исторических персонажей имеет давнюю традицию и во многом является классическим жанром историописания. Вне зависимости от изучаемых страны и периода, историки неизменно посвящают свои работы выдающимся политикам, полководцам, промышленникам, торговцам или авантюристам. Регулярно в этот список входят деятели искусства, ученые, писатели, словом, те, кого нередко называют собирательным понятием – «интеллектуал»⁶. Обращение к различным деятелям прошлого позволяет раскрыть социально-экономические, политические, культурные процессы прошедших эпох, вывить не только жиз-

ненные перипетии отдельно взятого человека, но выйти на более широкие обобщения⁷.

В отношении некоторых личностей давно сложилась своя историография. Однако, масштаб и значение ИХ исторического наследия заставляет специалистов вновь и вновь посвящать им свои труды. К таковым относится британский публицист, литератор и лексикограф Сэмюэл Джонсон (1709 – 1784), чей творческий путь анализируется в монографии отечественного специалиста по истории Великобритании из Екатеринбурга Татьяны Анатольевны Косых [3].

Следует отметить, что фигура С. Джонсона является одной из центральных для культурной и

⁶ Определение понятие «интеллектуал» не раз вызывало дискуссии среди специалистов. О некоторых из них см.: [7].

⁷ В данной связи можно упомянуть многотомную биографию И. Сталина, написанную американским исследователем

С. Коткином. В ней автору удалось не только обратиться к фигуре вождя, но обрисовать широкий социально-политический контекст, в котором происходило становление и деятельность политика [4;5].

интеллектуальной истории Соединённого Королевства. Ему неизменно посвящают свои труды как историки, так и литературоведы, сформировав тем самым отдельное направление исследований – «Джонсоноведение» или Johnsonian's Studies. Существуют целые общества, изучающие его интеллектуальное наследие⁸.

Однако, интерес к нему шире исключительно научных изысканий. Он стал неотъемлемой частью культурно-исторической памяти британцев, как человек, сыгравший ключевую роль в оформлении английского литературного языка. В данной связи, можно вспомнить появление доктора Джонсона в третьем сезоне британского комедийного исторического телесериала BBC «Черная гадюка» («Blackadder»), где его роль исполнил известный шотландский актер Робби Колтрейн [8]. Учитывая непростой характер отношений знаменитого остроумца с каледонцами, о чем будет упомянуто ниже, происхождение артиста добавляет комедии дополнительный иронический оттенок.

Исследование Т. А. Косых, выполненное в русле интеллектуальной истории, не просто анализирует жизненный и творческий путь английского лексикографа XVIII в., но вписывает их в идейный и социально-политический контексты георгианской Британии. XVIII столетие стало для Соединенного Королевства особым временем: Уния 1707 г. окончательно объединившая Англию и Шотландию в единое государство, воцарение новой Ганноверской династии, последовавшая за этим череда Якобитских восстаний (1715 – 1716, 1745 г.), война за независимость США (1775 – 1783), начало промышленного переворота, противостояние с Францией в Европе и за ее пределами, вылившееся во «Вторую Столетнюю войну» и т.д. Многие из этих событий выпали на жизнь главного героя книги, а некоторые, как, например, борьба с колонистами в Северной Америке, нашли непосредственное отражение в его публицистической деятельности. В этом смысле, обращение к судьбе и наследию такой титанической фигуры, как С. Джонсон, позволяет рассмотреть эпоху с различных ракурсов, а некоторые, даже, казалось бы, самые малозначительные эпизоды из его жизни, позволяют выйти на более широкие проблемы.

Исследовательница обращается к самым разным сюжетам: биографии, творческой карьере С. Джонсона как литератора и публициста, подготовке и изданию его *opus magnum* – «Словаря английского языка», восприятию кельтских «окраин» Соединённого Королевства и воззрениям на судьбу Британской империи, политическим процессам, взаимоотношениям с европейскими сосе-

дями и бывшими североамериканскими колониями, образам Востока в трудах «литературного диктатора» и пр. Опора на широкую источниковую базу, включающей помимо текстов главного героя, работы его современников и первых биографов, позволяет основательно проанализировать столь широкий круг вопросов.

Любопытным источником оказался и перечень книг из личной библиотеки доктора Джонсона, выставленных на продажу после его смерти [3, с. 45–54.]. Как отмечает Т. А. Косых, несмотря на небрежность формирования каталожного списка [3, с. 46.], из имеющихся в нем наименований можно сделать вывод о весьма широком кругозоре владельца. В его личной коллекции нашлось место не только художественной и религиозной литературе, но и сочинениям античных классиков, а также трудам по истории, математике, философии и пр. [3, с. 54].

Жизненный путь С. Джонсона, едва ли можно назвать тривиальным. «Литературный диктатор», как позже прозвали выдающегося лексикографа современники [3, с. 44], родился 7 (18) сентября 1709 г. в семье книготорговца и шерифа города Личфилда Майкла Джонсона и его жены Сары [3, с. 25.]. Беспорядочное чтение в книжной лавке отца, вкупе с обучением в грамматической школе родного города и незаконченным образованием в Пемброк-колледже Оксфорда составили интеллектуальную базу литератора. Отсутствие средств, чтобы завершить университетское образование, вынудило С. Джонсона сначала попробовать себя на педагогическом поприще, а затем уже взяться за перо.

Начало литературной карьеры С. Джонсона было связано с переездом на непродолжительное время в Бирмингем в 1733 г., после смерти отца. Здесь вышел в свет его первый литературный труд – перевод «Путешествия в Абиссинию» португальского иезуита-миссионера XVII в. Иеронима Лобо [3, с. 27, 231–232.]. Во многом это стало возможно благодаря его старому школьному другу Эдмунду Гектору и местному книготорговцу Томасу Уоррену. Примечательно, что с середины столетия один из главных центров промышленной революции станет столицей так называемого Мидлендского Просвещения⁹, частью которого будет и Личфилд. Позже, в 1776 г., С. Джонсон скажет своему биографу Джеймсу Босуэллу: «Сэр, мы город (Личфилд – прим. В.Е.) философов. Мы работаем головой, и заставляем бирмингемских олухов работать на нас своими руками» [19, р.67]. Правда, к этому моменту, в городе «олухов» уже развивали свою деятельность не только заводчики, но и интеллектуалы самого разного толка, а в научном

⁸ Подобные общества есть как в родном городе С. Джонсона – Личфилде [16], так и в столице Соединенного Королевства [17].

⁹ Среди современных специалистов, уже давно стало общим местом делить эпоху Просвещения на национальные течения и локальные варианты. Об этом см.: [15]. В литературе также можно

встретить исследования и дискуссии о более мелких региональных просветительских течениях. Например, см.: [18; 9]. О феномене Мидлендского, или Бирмингемского Просвещения и его связи с индустриальной революцией см.: [10]. О роли научной мысли и интеллектуальной атмосферы в Британии эпохи Просвещения в начале промышленного переворота см.: [6].

Лунном обществе Бирмингема (1765–1813), состояли Джеймс Уатт, Джозайя Уэджвуд, Джон Уайтхёрст, Эразм Дарвин и другие видные изобретатели, учёные и мыслители эпохи [13]. Короткий «бирмингемский период», который случился за несколько десятилетий до культурного, научного и экономического расцвета города – любопытный факт в биографии лексикографа, который дает возможность порассуждать об особенностях культурной и интеллектуальной истории Британии эпохи Просвещения и шире – всего XVIII в.

Однако, по-настоящему талант литературного «диктатора» раскрылся в Лондоне, где по приезду в 1737 г. никому неизвестный провинциал нашел себя среди «чердачных поэтов» – литературных поденщиков, вынужденных перебиваться случайными заработками в надежде обрести славу и признание [3, с. 28–29].

Но, С. Джонсону повезло. Здесь он начал писать для новаторского журнала «The Gentleman's Magazine», отличавшийся широким тематическим разнообразием. Чтобы свести концы с концами литератор берется за переводы иностранных авторов, сочиняет стихи и поэмы, пишет эссе на политические темы и биографии, сотрудничает с разными издателями [3, с. 29–30, 32]. Начиная публицист участвует и в довольно необычных проектах. В 1740-х гг. ему довелось поработать вместе с антикваром Уильямом Одисом над составлением каталога библиотеки Роберта и Эдварда Харли, графов Оксфордских, которую приобрел после смерти хозяев книготорговец и издатель Томас Осборн [3, с. 31–32].

Уже в 1750-е гг. он закончит работу над пьесой «Ирэн» [3, с. 31–32.] и начнет цикл эссе под общим названием «Rambler», а в 1758 г. им будет запущена еще одна публицистическая серия под новым названием «The Idler». Помимо этого, в 1756–1758 гг. он занимал место редактора журнала «The Literary Magazine» [3, с. 37]. Все эти начинания свидетельствуют не только о невероятной работоспособности и амбициях самого автора, но и о бурной интеллектуальной жизни британской столицы эпохи Просвещения.

В 1746 г. был заключен контракт с тремя крупными издателями на подготовку главного труда всей жизни С. Джонсона – «Словаря английского языка». Вышедшее в свет в 1755 г. первое издание принесло славу и почет автору, став выдающимся достижением своего времени. Именно с ним, во многом, ассоциируется имя «литературного диктатора» Англии. Как наглядно демонстрирует автор монографии, подобный источник можно рассматривать с различных точек зрения. В нем фиксируются особенности развития языка, значения слов, которые вкладывают в них современники, лингвистические, политические и шире мировоззренческие представления конкретного автора. С этой точки зрения главный труд английского лексикографа дает возможность взглянуть на специфику формирования и социально-политического разви-

тия Британской империи, процессы нациестроительства в Соединенном Королевстве, а также зафиксировать в трактовке терминов влияние международных отношений XVIII в.

Создавая свой «Словарь», С. Джонсон пытался «стандартизировать» английский язык, стараясь избегать упоминания диалектов в различных частях королевства [3, с. 114], а толкования тех или иных понятий снабжалось цитатами из английских «классиков» – У. Шекспира, Дж. Мильтона, Ф. Бэкона и др. [3, с. 108, 116]. Это было особенно важно для «приобщения к цивилизации» некоторых окраин, в частности шотландцев, с которыми у «диктатора» были сложные отношения [3, с. 112]. Как справедливо отмечает Т. А. Косых, лексикограф осознавал необходимость большего внутреннего единства страны, для чего необходимо было создать единый стандартизированный язык, имеющий наднациональное распространение, что в свою очередь также отражало британские имперские амбиции [3, с. 117]. Более того, литератор намерено избегал упоминания французского влияния, при необходимости сводя происхождения отдельных слов к латинскому [3, с. 114, 117], что укладывалось в логику длительного противостояния Лондона и Парижа на протяжении XVIII в. Все это отличало труд Джонсона от подобных работ его предшественников и современников.

Не только целые словари, но и отдельные слова также могли иметь политическую подоплеку и становятся поводом для ожесточенных споров. С. Джонсон известен афоризмом: «Патриотизм – последнее прибежище негодяя». Эту крылатую фразу толкуют по-разному, зачастую искажая изначальный смысл. Для лексикографа патриотизм – прежде всего любовь к своей родине [3, с. 99]. Кажется бы, тут все просто. Однако, здесь важны смысловые нюансы. В 1760–1770 гг. вокруг понимания того, кто же такой патриот разогрелись нешуточные дебаты, которые были связаны с внутри- и внешнеполитической обстановкой, а результатом стала целая памфлетная война [3, с. 91].

Прослеживая эволюцию значений, которую вкладывали различные британские публицисты в понятие патриотизм, Т. А. Косых указывает, что основная линия противоречий пролегла между трактовкой данного термина у С. Джонсона и одного из первых представителей радикальной политической мысли Джона Уилкса. Последний полагал, что истинный патриотизм основан на защите «древней конституции» Англии и сохранении «естественных» прав ее населения, а если король и правительство попирают их, то, следовательно, нужно занимать по отношению к ним оппозиционную сторону. По его мнению, Георг III (из «иностранный» Ганноверской династии) и кабинет шотландца Джона Стюарта, 3-го графа Бьюта, заключили по итогам Семилетней войны 1756 – 1763 гг. непатриотичный Парижский договор, зафиксировавший ряд уступок со стороны Британии. Это

воспринималось как ущемление прав избранного английского народа [3, с. 92–93]. Для С. Джонсона подобные Дж. Уилксу «патриоты» являются «мнимыми». Они используют понятие в своих личных корыстных политических целях и в действительности их не заботит благо своей страны [3, с. 97–98]. Примечательно, что вскоре слово патриот снова получит дополнительные коннотации в связи с началом Войны за независимость Североамериканских колоний [3, с. 99].

Восстание американских колонистов против Британской Короны спровоцировало бурную дискуссию среди политиков и публицистов Соединенного Королевства. Споры были настолько остры, что развели бывших до того момента друзьями Э. Берка и С. Джонсона по разные стороны баррикад. Будущий идеолог консерватизма видел в восставших отдельный народ и выступал за мягкие меры по отношению к ним [3, с. 203]. Позиция его оппонента была значительно жестче. Примечательно, что для Самюэля Джонсона его заокеанские соотечественники были не просто мятежниками, а угнетателями туземного населения, жестокими рабовладельцами, большинство из которых – потомки бродяг и преступников, скрывшихся от правосудия за океаном [3, с. 205]. Их потенциальные депутаты в Британский парламент ничего кроме смуты и крамолы принести не смогут [3, с. 204].

Впрочем, отношение к «Другим» было у С. Джонсона непросто. В его публицистических текстах, европейские соседи – испанцы и французы – нередко наделялись негативными чертами, чему способствовали многочисленные конфликты с ними, а также поддержка мятежников в Северной Америке. Жители Пиренеев в его представлении оказывались жестокими и порочными колонизаторами [3, с. 218], с которыми, вдобавок, пришлось воевать за отдаленные Фолклендские острова [3, с. 216–217].

Отношение к французам было сложнее. Как отмечает, исследовательница до середины 1740-х гг. знаменитый острослов был подвержен французскому влиянию, как и многие другие его соотечественники [3, с. 219]. Но, обострение англо-французских противоречий на международной арене, вкупе с достижениями британских интеллектуалов способствовали смене настроений. Эти перемены находят отражение не только в «Словаре» С. Джонсона [3, с. 221]. Путевых заметки о посещении литератором Франции в 1775 г. в компании семейства миссис Трейл фиксируют довольно сдержанные эмоции от увиденного на континенте [3, с. 225–228].

Следует отметить, что продолжительная карьера публициста позволяет зафиксировать трансформацию не только его собственных воззрений на различные проблемы и процессы, но и британского общественного мнения вообще. Это касается образов Востока, к которым нередко обращались литераторы эпохи Просвещения. Описания стран Азии и Африки на страницах романов,

периодики и в пьесах позволяли не только развлечь читающую публику, но и порассуждать о самой европейской цивилизации, ее характерных чертах и пределах. В этом отношении С. Джонсон не исключение. Как отметит автор монографии, его описание Абиссинии в повести «Истории Расселаса» сформировала образ отдаленной таинственной христианской страны в Африке [3, с. 236], с которым контрастируют изображения деспотического мусульманского Востока [3, с. 242, 245], вторящих расхожим представлениям своего времени. Интерес к Индии, ее языкам, особенностям повседневной жизни, сочетался с неприятием жестоких мер Ост-Индской компании по отношению к туземному населению [3, с. 254–255]. Идеализация Китая и его уклада в начале литературной карьеры лексикографа, шедшая в общем русле с увлечения англичан китайской культурой [3, с. 259–260], в конечном счете на склоне лет сменилась восприятием Поднебесной как страны в целом варварской [3, с. 261].

Однако, оппозиция «свой»/«чужой» может иметь место и в рамках одной страны. И на внутреннем «Другого» у С. Джонсона были разные взгляды. В данном случае речь идет прежде всего о кельтских «окраинах» – Ирландии, Уэльсе и Шотландии. На территориях двух последних публицисту удалось побывать лично. Движимый интересом к местной культуре, истории и литературе, он пытался зафиксировать отличия локальных обществ от английского. Где-то, как, к примеру, в Уэльсе, сильную разницу разглядеть не удалось [3, с. 185]. Очевидно, этому поспособствовали долгое проживание бок о бок в едином королевстве, а также успешная ассимиляция валлийской аристократии [3, с. 194].

Иная картина обнаруживается во взглядах на Ирландию, чья культура и история вызывает у литератора нескрываемое восхищение [3, с. 194]. Более того, со многим политиками и интеллектуалами с «Изумрудного острова» он водил дружбу [3, с. 192] и в отличие от большинства своих современников был возмущен дискриминацией ирландских католиков [3, с. 192]. При этом, автор подчеркивает, что сам лексикограф считал подлинно кельтскими «окраинами» Ирландию и Уэльс [3, с. 194].

Гораздо сложнее отношения были с шотландцами. На собственные впечатления доктора Джонсона от поездки на север Соединенного Королевства, накладывались дискуссии с представителями шотландского Просвещения, споры вокруг подлинности поэм Оссиана, а также факт череды якобитских восстаний. Т. А. Косых подчеркивает, что в путевых заметках «Путешествие по западным островам Шотландии», опубликованных в 1775 г. [11], публицист при всем своем интересе к укладу жизни хайлендеров, оценивает их в целом как людей лишь только вставших на путь цивилизации, под которой подразумевается «англизация» [3, с. 182.]. При этом вояж выпал на время не только умиротворения края, но и период серьезных

трансформаций клановой системы в Хайленде [3, с. 176], вызванных модернизационными процессами и усилившейся англо-шотландской интеграции [1, с. 347–348]. XVIII в. оказался для Шотландии временем перемен, когда уходили в прошлое старые реалии и для выходцев из Каледонии открывались новые возможности в экономической, политической и военной сферах [1, с. 329–352, 408–409]. Исследовательница подчеркивает, что нежелание англичан видеть в северных соседях себе равных проявлялось у литературного диктатора и в отношении к поэмам Оссиана как к мистификации Дж. Макферсона [3, с. 170–171], и в неприятии радикализма пресвитерианской церкви [3, с. 162], и в отрицании воззрений на религию и исторический процесс выдающегося философа Д. Юма [3, с. 129, 161]. При всем при этом главным биографом и создателем «джонсоновского» мифа стал никто иной как шотландец Дж. Босуэлл [2].

Анализируя взгляды на историю Англии самого С. Джонсона, Т. А. Косых указывает его близость к консервативному политическому лагерю, подчёркивая влияние на него антикварной традиции [3, с. 145]. В трудах лескигографа нашли отражение главные исторические мифы XVIII в. – о золотом веке Елизаветы I Тюдор, непреходящем гении У. Шекспира и пр. [3, с. 136].

Подобный взгляд, а также споры с шотландскими просветителями невольно вызывают вопросы о месте самого доктора Джонсона в эпохе Просвещения, как и вклад самой Англии в этот интеллектуальный процесс. Английских мыслителей порой бывает трудно разглядеть за ярким блеском титанов из Каледонии – А. Смита, Д. Юма, У. Робертсона, Г. Хоума и др. Им не были присущи опасное вольнодумство, отчаянная борьба с клери-

кальным обскурантизмом и вопиющими пережитками Старого порядка, ставшими визитной карточкой французских интеллектуалов XVIII в. Как отмечает британский историк Питер Джонс среди англичан «не хватало интеллектуальных крестоносцев, публично участвующих в борьбе против церковного истеблишмента и государства Старого порядка» [10, р. 5–6]. Однако, отсутствие прирожденных борцов за светлое и рациональное будущее для всего человечества не умаляет насыщенной и плодотворной интеллектуальной жизни. Более того, в Англии обнаруживают себя своеобразные внутренние просветительские течения, вроде упомянутого выше Мидлендского Просвещения. Активная творческая деятельность, дискуссии со современниками по самым разным вопросам позволяют вписать доктора Джонсона в число выдающихся интеллектуалов своего времени. Да и критическая позиция литератора по отношению ко многим общественным вопросам не делает его закоренелым ретроградом, враждебно настроенным к окружающим. Он был вовсе не чужд филантропии. Так, в 1752 г., после смерти жены Элизабет «Тэтти» Джонсон, в доме безутешного вдовца появился чернокожий мальчик-слуга Френсис Барбер, который при содействии своего хозяина смог научиться читать и писать. Также в его лондонском доме нашли кров слепая валлийская поэтесса Анна Уильям и старый знакомый литератора – доктор Роберт Левет¹⁰ [3, с. 36–37].

Как убедительно показала в своей монографии Т.А. Косых, жизненный путь мыслителя дает возможность исследователю через его интеллектуальное наследие взглянуть на ключевые проблемы и вопросы, составляющие нерв эпохи, не забыв при этом рассказать историю о человеке и его идеях.

Литература

1. Апрыщенко В. Ю. Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей. СПб.: Алетей, 2016. 720 с.
2. Босуэлл Дж. Жизнь Сэмюэля Джонсона. М.: Текст, 2003. 192 с.
3. Косых Т. А. Сэмюэл Джонсон и его эпоха: Британия и мир глазами английского интеллектуала XVIII в. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та., 2022. 292 с.
4. Коткин С. Сталин. В 3-х т. Т. 1: Парадоксы власти. 1878–1928. В 2-х кн. Кн. 1. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2022. 720 с.
5. Коткин С. Сталин. В 3-х т. Т. 1: Парадоксы власти. 1878–1928. В 2-х кн. Кн. 2. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2022. 696 с.
6. Мокир Дж. Просвещенная экономика. Великобритания и промышленная революция 1700–1850 гг. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 792 с.
7. Фадеева Л. А. Дискуссии об интеллектуалах в контексте политической истории Запада // Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 108–138.
8. Blackadder the Third. TV Series // IMDB URL: https://www.imdb.com/title/tt0526724/?ref=tt_cl_eps_sm_1 (дата обращения: 31.10.2023);
9. Bruton R. N. The Shropshire Enlightenment: a regional study of intellectual activity in the late eighteenth and early nineteenth centuries: thesis. Birmingham, 2015. 356 p.
10. Jones P. M. Industrial Enlightenment: Science, Technology, and Culture in Birmingham and the West Midlands, 1760–1820. Manchester: Manchester University Press, 2008. 260 p.
11. Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland. Dublin: printed for J. Williams, 1775. 268 p.
12. Johnston F. Samuel Johnson and Robert Levett // The Modern Language Review. Vol. 97. 2002. No. 1. P. 26–35.
13. Schofield R. E. The Lunar Society of Birmingham: A Social History of Provincial Science and Industry in Eighteenth-Century England. Oxford: Clarendon Press, 1963. 491 p.
14. Seccombe Th. Levett, Robert (1702?–1782) // Dictionary of National Biography / Ed. by S. Lee. Vol. 33. Leighton – Lluelyn. L.: Smith, Elder, & Co, 1893. P. 154–155.
15. The Enlightenment in National Context / Ed. by R.S. Porter, M. Teich. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 275 p.
16. The Johnson Society (Lichfield). URL: <https://johnsonnew.wordpress.com/about-us/> (дата обращения: 31.10.2023).

¹⁰ После кончины друга С. Джонсон даже напишет стихотворение в 1783 г. «На смерть доктора Роберта Левета». О докторе Р. Левете и этом произведении см. [14; 12].

17. The Johnson Society of London. URL: <https://www.johnsonsofondon.org> (дата обращения: 31.10.2023).
18. Trinder B. Was there a Shropshire Enlightenment? // *History West Midlands*. Vol. 1. 2013. №1. P. 26–29.
19. Uglow J. *The Lunar Men: The Inventors of the Modern World 1730-1810*. London: Faber and Faber, 2010. 1137 p.

References

1. Apryshchenko V. Y. *Scotland in Modern Era: in Search of Identities*. St. Petersburg: Aleteya; 2016. 720 p. (In Russ.).
2. Boswell J. *The Life of Samuel Johnson*. Moscow: Text; 2003. 192 p. (In Russ.).
3. Kosykh T. A. *Samuel Johnson and his Era: Britain and the World through the eyes of an 18th-century English intellectual*. Ekaterinburg: Ural University Publishing House; 2022. 292 p. (In Russ.).
4. Kotkin S. *Stalin: Paradoxes of Power, 1878–1928*. Vol. 1. Book 1. Moscow: Gaidar Institute Press; 2022. 720 p. (In Russ.).
5. Kotkin S. *Stalin: Paradoxes of Power, 1878–1928*. Vol. 1. Book 2. Moscow: Gaidar Institute Press; 2022. 696 p. (In Russ.).
6. Mokyry J. *The Enlightened Economy: Britain and the Industrial Revolution 1700-1850*. Moscow: Gaidar Institute Press; 2017. 792 p. (In Russ.).
7. Fadeeva L. A. Discussions on intellectuals in the context of the Western political history. *Dialogue with Time*. 2012;41:108-138. (In Russ.).
8. *Blackadder the Third*. TV Series. IMDB URL: https://www.imdb.com/title/tt0526724/?ref_=tt_cl_eps_sm_1 (accessed: 31.10.2023).
9. Bruton R. N. *The Shropshire Enlightenment: a regional study of intellectual activity in the late eighteenth and early nineteenth centuries*: thesis. Birmingham; 2015. 356 p.
10. Jones P. M. *Industrial Enlightenment: Science, Technology, and Culture in Birmingham and the West Midlands, 1760–1820*. Manchester: Manchester University Press; 2008. 260 p.
11. Johnson S. *A Journey to the Western Islands of Scotland*. Dublin: printed for J. Williams; 1775. 268 p.
12. Johnston F. Samuel Johnson and Robert Levet. *The Modern Language Review*. 2002;97(1):26-35.
13. Schofield R. E. *The Lunar Society of Birmingham: A Social History of Provincial Science and Industry in Eighteenth-Century England*. Oxford: Clarendon Press; 1963. 491 p.
14. Seccombe Th. *Levett, Robert (1702?–1782)*. *Dictionary of National Biography*. Ed. by S. Lee. Vol. 33. Leighton – Lluelyn. L.: Smith, Elder, & Co; 1893. P. 154-155.
15. *The Enlightenment in National Context*. Ed. by R. S. Porter, M. Teich. Cambridge: Cambridge University Press; 1981. 275 p.
16. The Johnson Society (Lichfield). URL: <https://johnsonnew.wordpress.com/about-us/> (accessed: 31.10.2023).
17. The Johnson Society of London. URL: <https://www.johnsonsofondon.org> (accessed: 31.10.2023).
18. Trinder B. Was there a Shropshire Enlightenment? // *History West Midlands*. Vol. 1. 2013. No 1. P. 26–29.
19. Uglow J. *The Lunar Men: The Inventors of the Modern World 1730-1810*. London: Faber and Faber; 2010. 1137 p.